

Ван Эсс, Йозеф. Богословие и общество II–III столетия по хиджре. Том I. История религиозной мысли в раннем исламе / Й. ван Эсс; пер. с нем. П. Казаку; научн. ред. И. Р. Насыров. — М.: ООО «Садра», 2021. — 632 с.

Труд известного современного немецкого исламоведа Йозефа ван Эсса, наиболее фундаментальная работа по интеллектуальной истории раннесредневекового мусульманского общества, впервые публикуется на русском языке. Первый том посвящен формированию религиозной мысли в исламе.

Книга состоит из двух предисловий (научного редактора и автора) к русскому изданию и двух частей. Первая часть называется «Предисловие, Основные черты исламской религиозности в первом веке хиджры», вторая — «Исламские провинции во втором веке по хиджре». Каждая из частей состоит из глав и параграфов, посвященных следующим темам: 1) прекращение пророчества, 2) осознание избранничества и обретение идентичности, 3) соотношение общества и личности (с анализом и описанием понимания веры и обещания рая, греха и личной ответственности), Божественного права и предопределения.

В книге даны объяснения и истолкования образов и понятий, которые часто употребляются, но о которых трудно составить представление, таких, например, как образ пророка, способы распространения веры и богословской полемики, что собой представляет Коран, что собой представляют шииты, кадариты, мурджииты, суфии, кадариты, в каких регионах, произведениях и школах они представлены.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся философским и культурным наследием исламского мира.

Фридман М. Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / пер. с англ. В. В. Целищева. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. — 352 с.

Начав с конфронтации трех важнейших фигур философского мира в 1929 году в Давосе (Швейцария), Майкл Фридман исследует, как их взгляды развивались и переплетались в течение нескольких лет, в конечном итоге породив две очень разные школы мышления — аналитическую философию и континентальную. Автор исследует столкновение философских темпераментов в процессе становления их собственных

радикальных новых идей. Книга дает ясное и глубокое объяснение того, как общий неокантианский фон всех трех мыслителей, позволяющий им в 1929 году понимать друг друга, позднее сменился глубокими философскими и политическими разногласиями, приведшими к возникновению экзистенциальной аналитики Хайдеггера и логического позитивизма Карнапа.

Хакинг Ян. Почему вообще существует философия математики? / пер. с англ. В. В. Целищева. Сер. Библиотека аналитической философии. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. — 400 с.

Эта поистине философская книга возвращает нас к основам — явному опыту доказательства и загадочному отношению математики к природе. Автор задает как традиционные, так и неожиданные вопросы: Что делает математику математикой? Откуда появилось доказательство и как оно развивалось? Как возникло различие между чистой и прикладной математикой? Обсуждение идей прошлого сочетается со сравнением конкурирующих философских представлений современных математиков. В книге показано, что феномен доказательства и другие формы математического исследования живут и развиваются в соответствии с практиками, свойственным своему времени, стране и языку, будучи продуктом ее идей и деятельности математиков, людей со своими философскими представлениями и предпочтениями. Эта книга не по философии математики, а о философии математики и, по выражению автора, о том, «почему некоторые и только некоторые великие философы были одержимы математикой».

Ян Хакинг — известный философ и историк науки, профессор философии Университета Торонто и Колледж де Франс. В числе его книг — «Укрощение случая», «Переписывание души», «Социальное конструирование чего?» и др. На русский язык переведена книга «Представление и вмешательство».

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. Пер. с англ. О. Чекчуриной. — СПб.: Питер, 2021. — 544 с.

Книга американского антрополога Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой» давно стала если не классической, то культовой. Пока специалисты критиковали ее (а заодно и все остальное творчество Кэмпбелла) за спорность, натяжки и произвол, она успешно завоевывала поклонников в творческой среде, самым известным из которых стал

создатель «Звездных войн» Дж. Лукас. Есть что-то схожее в пути «Тысячеликого героя» и вышедшего веком ранее «Рождения трагедии» Фр. Ницше — обе книги вызвали возмущение профессионального сообщества (в случае с Ницше — филологического), но породили вокруг себя сильнейший культурный (или поп-культурный, кому как нравится) резонанс, предложив своим последователям чрезвычайно притягательный и удобный концептуальный инструментарий для оперирования своей главной темой — мифом. И хотя «Тысячеликий герой» несоизмерим в своем философском значении с «Рождением трагедии», в чем-то он даже его обходит: как известно, Ницше вдохновлялся Вагнером, когда писал свою книгу, в то время как «Тысячеликий герой» вдохновил своего собственного эпического художника в лице Лукаса.

Кэмпбелл не скрывает (и не стыдится) источников своего вдохновения — в первую очередь, это фрейдистско-юнгианский психоанализ и «восточная мудрость» в самом широком смысле. Последняя сближает его уже не с Ницше, а с Шопенгауэром, однако есть одно фундаментальное отличие. Европейские мыслители XIX в. склонны были расценивать восточное мышление как принципиально нигилистическое, жизнеотрицающее. Кульминацией такого восприятия для них стал буддизм с его заветом «прекращения страдания жизни», выхода за пределы этого мира, толкуемого как своего рода ловушка для ума и духа. Для Кэмпбелла, наоборот, суть восточной культуры — в приобщении к неразрушимой вечной жизни, текущей по ту сторону иллюзорных различий опыта, а ловушкой для ума становится, в свою очередь, западная рациональная, аналитически-расчленяющая, секулярная экзистенциальная практика, отрывающая дух от его истоков и затуманивающая цельный, гармоничный взгляд на действительность, включая сюда действительность нашего собственного Я.

Еще одна параллель, напрашивающаяся при чтении «Тысячеликого героя», — «Закат Европы» О. Шпенглера, книга, опять же, не сравнимая по статусу, но в свое время аналогично ставшая культурным фетишем и навязавшая многим поколениям опасно-привязчивый, вплоть до уровня штампа, взгляд на тенденции исторического развития. Кэмпбелл, как и Шпенглер, начинает (и заканчивает) констатацией глубокого духовного кризиса, в котором находится, по его мнению, современная западная цивилизация, переставшая припадать к живительному истоку мифа. И Кэмпбелл, возможно, согласился бы со Шпенглером в противопоставлении цивилизации и культуры, но при этом дополнил бы Шпенглера следующим образом: культура, чтобы быть по-настоящему актуальным контрагентом цивилизации, а не свалкой музейных экспонатов, давно лишившихся жизни и оберегаемых разве что анахроническими анахоретами, должна восстановить свою связь

с неиссякаемой силой мифа. Сделать это можно лишь одним способом: воскресить миф для современного сознания, что сподвигнет само это сознание снова обратиться к мифотворчеству. Проще говоря, вернув себе былые мифы, мы получим ключи к восстановлению его здесь и сейчас, начнем творить наши собственные мифы, которые станут мостком между мифологическим сознанием древности и загадочными формами будущего человечества. Должны появиться новые мыслители, художники, творящие новые мифы прямо сегодня.

Поразительно, что при данной установке Кэмпбелл умудряется игнорировать явления, которые выглядят буквальным исполнением его императивов, а именно, например, возрождение интереса к мифу в виде жанра фэнтези (подвида фантастики) и конкретно колоссальный успех «новой мифологии» Дж. Толкина. Правда, учитывая, что «Тысячеликий герой» был опубликован в 1949 году, т. е. за несколько лет до выхода в свет «Властелина колец», можно понять, почему эта книга Кэмпбелла никак не упоминает Толкина, известного на тот момент разве что как детский сказочник, наряду со многими другими. Но и в дальнейшем пути Кэмпбелла и Толкина не будут пересекаться, а это уже повод задуматься. Тем более что Толкин не только художественно, но и теоретически работал с мифом, написав на эту тему ряд своих знаменитых эссе: «О волшебных сказках», «Чудовища и критики» и других.

С профессиональной точки зрения, работа Кэмпбелла резонирует с другими сильными исследованиями в данной области; русский читатель, несомненно, вспомнит здесь «Морфологию волшебной сказки» В. Проппа и труды по античной мифологии А. Ф. Лосева. Отличие, опять же, в том, что при всей очарованности своим предметом, ни Проппу, ни Лосеву не пришло в голову пропагандировать открытое ими по данным вопросам как новое слово и панацею для современности. Отчасти понятно, почему: на этом месте надежно утвердилась революционная советская идеология, а тут уж, как и с александрийской библиотекой, другие предложения были либо вредны, либо излишни. Несомненно, подлинный ренессанс мифа мог произойти только на либеральном Западе, где ему не пришлось бы бросать вызов всеподавляющему тоталитарному учению, жестко контролирующему захваченные им умы.

Если разбирать содержательную сторону книги, то посыл Кэмпбелла очень прост и легко прочитывается: миф — это древнейшая форма универсального знания, которое учит человека, что он — часть бесконечной, но изменчивой вселенной, способной обернуться к нему как добрым, так и злым, жестоким, разрушительным лицом. Условно современный человек (что бы под этим ни подразумевалось) привык, хотя бы в уме,

отделять добро от зла, гипостазировать зло в отдельную сущность (чтобы затем отринуть его) — к этому его приучили века господства морали. Миф учит человека злу иначе, чем мораль, и в этом и состоит его исконное назначение. Он склоняет человека принимать темные аспекты бытия — смерть в первую очередь — и показывает (пусть по-своему, странным и преувеличенным для нас сегодняшних образом), что они тоже имеют свой исток в высшей истине, тоже являются лицами или масками Бога (таково название другого труда Кэмпбелла), и потому должны быть приняты нами, осознаны как часть полноты бытия. Отсюда непрестанное двойничество, оборотничество персонажей мифов. Все эти бесчисленные боги, демоны, чудовища, нечисть служат некоей цели — именно в них перед человеком предстает воплощенной неопределенность вселенной. Через них, наполовину антропоморфных, наполовину стихийных существ, человек вступает в общение с сущностью жизни, превосходящей его личное положение и частное понимание. Легион мифологических порождений испытывает человека на пути к мудрости — а жизнь, в любой ее форме, как показывает Кэмпбелл, и есть такой путь. И если у человека хватает сил выдержать их ужасное, отвергающее, мрачное лицо, они мгновенно, как бы в награду, одевают его зрелищем красоты и смысла, тоже заключенных в них. Они — посредники, стражи и проводники мудрости, поэтому именно через встречу и общение с ними (порой конфликтные, порой загадочные) человеку является сложный, противоречивый образ бытия. Тогда и он сам, инициированный, причащенный, зрелый, входит в круг этих вечных явлений и становится героем и обитателем мифа.

Чтобы обосновать свою правоту, Кэмпбелл апеллирует к огромному по широте материалу — от диковинных сказок малых народов до всем известных классических мифов, от преданий о Будде и других индийских мудрецах-учителях до цитат из иудео-христианского корпуса или Корана, от психоанализа снов до литературной критики. Из-за этого «Тысячеликий герой» делается несколько рыхлым, вязким для чтения. Кэмпбелл постоянно переходит от одной темы к другой, от одного источника к другому, обрывает рассказ о чем-то, чтобы возобновить его через пятьдесят, а то и сто страниц, пытается применять вместе взаимоисключающие интерпретационные модели. Вставки другим шрифтом тоже часто сбивают внимание. В общем, книга производит впечатление не сразу налаживающейся. Ее первые, сбивчивые и хаотические главы надо, кажется, просто преодолеть — как и герой в мифе преодолевает разброд и шатание своего начала. Однако чем дальше, тем интереснее становится следить за мыслью автора, спорить или соглашаться с ним, принимать или отвергать предлагаемые им параллели, аналогии, ассоциации. По-настоящему книга расцветает в своей второй части «Космогонический

цикл», посвященной уже не столько герою мифа, сколько вселенной, в которой он существует, и тому, какие она проходит пертурбации в своем становлении. В этом смысле вселенная — такой же, а то и более значительный герой мифов, и собственно, ровно в этом пункте и начинается уже философия, потому что тема протоэлементов, измерений и трансформаций сущего практически неизменной переходит из мифа в раннефилософские учения, например, досократические концепции у греков. Мы с легкостью можем узнать, опознать мифологический пафос у Гераклита, Парменида, Анаксимандра — разве не вещают они нам о той же самой вселенной, едином бытии по ту сторону отдельных явлений и моральных противоположностей? И что намного важнее, они не столько сохраняют какие-то конкретные лейтмотивы или образы из мифов, сколько движимы самим посылом, основной интенцией мифо-логии, логоса мифа — стремлением создать в голове, привести ум как раз к той картине мироздания, которую имел в виду и миф. Поэтому, по-хорошему, космогония и есть первая часть священной книги мифа, ее книга бытия, в то время как повествования о тех или иных героях (т. е. о человеке внутри так понятого бытия) — это уже продолжение и комментарий: здесь начинается жанр жития, предания, легенды о том или ином деятеле, прописанном в той или иной культуре, которая представляет собой определенную перспективу на всеобщую истину.

Возражения Кэмпбеллу понятны — когда пытаешься объединить и подать как единую историю столь разношерстный материал (относящийся примерно ко всему, это очередная «великая теория Всего»), возражать будут и материал, и восприятие читателя. Кэмпбелл пытается убедить нас, что Библия говорит то же, а главное — так же, на том же языке, что и гротескные повествования африканских или австралийских племен, что индейская сказка о братьях, гонящихся за Солнцем, не слишком-то отличается от мифа о Фээтоне и Гелиосе, но что-то не позволяет нам так запросто с этим согласиться, и это «что-то» — не просто культурная привычка, инерция принадлежности. Слишком много различий игнорирует автор; когда же они настигают его, он берется и их объяснить почти оккультным принципом «путь вверх и путь вниз — одно», точнее, что как бы герои мифов себя ни вели, чем бы ни кончались их истории, все равно миф побеждает и содержит в себе всех их. Тем не менее, полярность приходится ввести в миф хотя бы на уровне поворота его в той или иной культуре. И так или иначе, Кэмпбелл игнорирует центральный философский вопрос в подходе к мифу — а именно, как он мог закончиться, как его необозримое правление могло завершиться. А то, что оно в той или иной форме, но завершилось, иссякло, ему приходится признать — иначе обесмысливается вся сила

его призыва к возрождению мифа. Зачем возрождать то, что и так живо себе живехонько? Но раз Кэмпбелл собирается бороться за миф с современностью, главная загадка такого исследования должна быть не о мифе, а о том, как же это вообще оказалось возможно, что во вселенной, полностью охваченной мифом, вдруг нашлось что-то, что из него выпало, что его в себе и себя в нем не обнаружило, что, в конце концов, на него восстало. Это, если разобраться, отдельный миф, великий миф Разума, Сознания, Индивидуальности. Но все эти вещи здесь не какие-то изгои или мистические сторонние губители, организующие Рагнарёк мифа. Они тоже основываются на древнейших, фундаментальнейших данных нашего опыта. Различение света и тьмы, добра и зла — не поздняя выдумка оторвавшихся от «почвы и судьбы» моралистов, а вполне себе изначальная реальность нашего мышления, сетка прото-восприятия. Более того, интенция мифа к объединению поляризованных сущностей могла иметь место лишь при условии, что они как раз были изначально разделены нашим сознанием. Но это уже глубины, куда Кэмпбелл не идет, отделяясь распространенными словами об «абстрагировании» и «отчуждении», непонятно с чего вдруг с человеком случившимися и изгнавшими его из эдемского сада мифа. Его профетический накал формирует вокруг его предприятия какой-то собственный миф — миф о забвении и возвращении мифа, если угодно (подобно идее «забвения Бытия» у М. Хайдеггера). Но это естественно и справедливо для любого человеческого действия, особенно сознательного, культурного — как минимум на каком-то этапе оно оборачивается, драпируется в свой аутентичный миф. И потому миф действительно всегда будет с нами — тот или иной, воспоминание ли из прежних времен, оригинальное ли творение наших дней, и так до бесконечного будущего.

Подготовил Н. Мурзин